
ПЕРВАЯ СТЕПЕНЬ

В.Н. ЕФРЕМОВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРАЗДНИКИ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ

Государственные праздники представляют собой важный инструмент символической политики, необходимый для репрезентации и легитимации политического режима. Их задача состоит в выстраивании темпоральной связи между прошлым и будущим для того, чтобы иметь дело с настоящим.

Особое место праздников в арсенале инструментов символической политики обусловлено их многообразными функциями. Празднование значимых в прошлом событий помогает интегрировать людей в единое сообщество. Декларируя определенные идеи, государственные праздники подразумевают диапазон возможных обязанностей членов государства и ожиданий со стороны власти в виде форм одобрения / неодобрения того или иного события или факта.

В современных обществах праздники и их ритуалы обычно обеспечивают как создание коллективной «культурной памяти» посредством демонстрации установленного распорядка, так и «правильную» форму для напоминания гражданам их национального наследия.

Торжественные мероприятия тем не менее призваны не только выражать и устанавливать понимание прошлого, но и дать веру в позитивное будущее государства. Прежде всего, это возможно благодаря противопоставлению праздника повседневности, которая формирует необходимость чего-либо нового. Праздник, обостря эмоциональное восприятие, дает ощущение исполнения

любой возможности. Так, например, возникают чувство патриотизма, вера в будущее нации и т.д.

Государственные праздники по своей природе идеологичны, поскольку несут определенную систему смыслов, которыми они наделяются в процессе учреждения и дальнейшего существования. Существует ряд работ, которые затрагивают тему использования праздников государством [см.: Жигульский, 1985; Литвинова, 2003; Глебкин, 1995; National... 2009 и др.], однако они не предлагают готовых схем для анализа их идеологического содержания, что дает нам возможность предложить собственную исследовательскую модель для изучения идеологии госпраздников.

Существует множество подходов к пониманию идеологии, претендующих на всеобъемлющее описание ее природы и функций [см., например: Малинова, 2003]. В случае с государственными праздниками *идеология* – это, прежде всего, система ценностных представлений, задающая модели интерпретации прошлого и настоящего, которая воспроизводится посредством дискурсивных практик празднуемого события. Задача настоящей статьи состоит в концептуализации и операционализации понятия «идеология государственных праздников».

Следует отметить, что нередко в зарубежной литературе аналогом государственных выступают национальные праздники (Дни нации). Примерами могут служить День независимости США (4 июля) или День взятия Бастилии во Франции (14 июля). В отличие от государственных праздников, официально установленных праздничных дней, имеющих статус нерабочих, число которых на протяжении года может быть неограниченно, национальный праздник, как правило, у каждого государства один. Он связан со становлением государственности и суверенитета страны или нации. В России таким праздником является День России, установленный в честь принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР.

Государственные праздники учреждаются по инициативе и при поддержке властных элит. Именно власть формулирует и разъясняет идеологию праздничных дней, поскольку она заинтересована в контроле над действиями, отношениями, нормами и ценностями, т.е. в конструировании «реальности, устанавливая гносеологический порядок» [Бурдье, 2007, с. 90].

Поскольку политические силы, стоящие у власти, вынуждены отвечать запросам времени, система смыслов, составляющая основу государственных праздников, несмотря на давнюю историю некоторых из них, по своей природе, однако, подвержена изменению.

То, что идеология праздника официально устанавливается государством, еще не означает, что она разделяется всеми членами общества. Существуют альтернативные точки зрения на смыслы и значения праздников, которые позволяют другим акторам включаться в конкурентную борьбу за власть и право доминировать в поле политики. Так, например, День Австралии (26 января) до сих пор вызывает споры, что обусловлено историей данного праздника, по-разному воспринимаемого потомками британских колонизаторов и аборигенами, которые склонны говорить о нем как о «Дне выживания» или «Дне вторжения». Несмотря на давность празднуемого события (высадка в бухте Сиднея состоялась в 1788 г.), дискуссии не утихают до сих пор.

В целом идеология праздников представляет собой широкий набор символических форм: это идеи, выраженные в публичной риторике, а также символические действия и ритуалы. Идеология в данном контексте может принимать вербальное и невербальное выражение. Далее, руководствуясь условным разделением на вербальные и невербальные проявления, мы постараемся «зафиксировать специфическую логику» символических форм [Бурдье, 2007, с. 89], составляющих государственные праздники.

Праздник и дискурс

Начнем с анализа дискурсивных практик, которые играют важную роль в подтверждении и обновлении принципов общественного устройства. Под дискурсом мы будем понимать «совокупность высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования» [Фуко, 2004, с. 209–210], соответственно, дискурсивные практики – это правила формирования высказываний с учетом исторических, социальных, лингвистических особенностей [там же, с. 320].

Центральное место в структуре идеологии госпраздника занимает его идея. Она абстрактна, поскольку представляет собой идеализированный образ, но при этом может обладать яркой эмоциональной окраской, служащей источником воодушевления и

средством преодоления раскола между властью и народом. «Именно стремление напомнить, обновить, гарантировать, подтвердить ценность некоторого культурного, общественного, национального или политического блага является той силой, которая в устойчивой и заинтересованной группе создает потребность в празднике. До тех пор пока жива эта идея, до тех пор пока группа находит в ней опору, верит в нее, черпает из нее силы, потребность в празднике сохраняется и находит свое естественное удовлетворение в праздновании» [Жигульский, 1985, с. 85].

Систему ценностей идеологии государственных праздников дополняют ценности «высокого символического ранга», которые «могут получать кодификацию в текстах, прошедших ритуальную легитимацию в момент торжественного провозглашения» [Мухарьямов, 2012, с. 69]. Например, индивидуальная свобода, равенство и братство. Их отсутствие может привести к потере праздником смысла. Так, национальные праздники или Дни нации связаны с провозглашением идеи единения нации, система ценностей которых дополняется суверенитетом, национальным интересом, национальной безопасностью, справедливостью и т.д.

Идеология праздника может быть вербально оформлена в виде нарратива. Его можно понимать как «истории с началом, серединой и концом, которые содержат вывод или некий опыт рассказчика» [Методы анализа... 2009, с. 172]. Нарратив в узком смысле – схема организации опыта [см., например: Labov, Waletzky, 1967]. Его главная особенность, если придерживаться позиций социального конструктивизма, – темпоральность, т.е. особый способ организации излагаемого содержания во времени.

Как отмечает С. Зенкин, нарратив подразумевает «идеологически ответственное повествование, не допускающее какой-либо игры и обычно претендующее на истинность, “историческую правду”» [Зенкин, 2003]. Важный момент для нарратива – это наличие некоего рассказчика и реальной (или воображаемой) аудитории, которая «подтверждает» тот или иной нарратив. Такой аудиторией могут быть как граждане данного государства, так и мировое сообщество.

Нарративное повествование, как правило, разворачивается вокруг исторического события в прошлом, имеющего общенациональное значение, будь то достижения или конфликты. Такие события отсылают к каким-то будущим последствиям. Подобным

примером может служить празднование Дня взятия Бастилии, послужившего началом Великой французской революции и установлению республиканских ценностей. Особое место в нарративе может занимать рассказ о национальных героях. Как отмечает польский историк К. Жигульский, торжества являются прежде всего манифестацией власти, силы и значения государства [Жигульский, 1985, с. 144]. Они могут апеллировать к конституции или содержать религиозный дискурс, если государство признает особую роль какой-либо религии. Так, в Израиле на государственном уровне отмечаются только еврейские религиозные и национальные праздники.

Нарративы государственных праздников нередко приобретают черты мифов. По мысли Р. Барта, миф создается на основе ранее существовавшей семиологической цепочки и представляет собой вторичную семиологическую систему, которая деформирует изначальный смысл символа, придавая ему новое значение. «Его задача – “протащить” некую понятийную интенцию» [Барт, 2010, с. 289]. Миф нужен не для того, чтобы рассказать историю о государственном празднике и убедить в ее подлинности, но сформировать представление, заставить верить в идею праздника, констатировать, не пытаясь ее объяснить, т.е. сделать так, чтобы она стала «само собой разумеющейся» [см.: Барт, 2010, с. 304–306].

В случае государственного праздника мы имеем дело с мифом, который опирается на значимые символы, вызывающие доверие и обладающие длительной историей. Обычно такие символы называют национальными или государственными, подчеркивая тем самым значимость для всего сообщества. Это может быть государственный флаг (и учрежденный по этому случаю День флага), Конституция (День Конституции или День независимости), исторические личности (День народного единства) и т.д. Так, главным государственным праздником в Норвегии является 17 мая – День принятия Конституции, символизирующий процессы нациестроительства, начатые в 1905 г. в результате отделения от Швеции. Конституция, по мнению граждан Норвегии, – это «повод для гордости», «объединяющий символ» [National... 2009, p. 114, 116]. Однако в России власть проиграла символическую борьбу за День Конституции, который мог стать одним из главных праздников (в 2004 г. он лишился статуса выходного дня). День падения Берлинской стены в Германии (9 ноября) также не является успешным

примером вторичной символизации – праздник был специально перенесен на 3 октября (День немецкого единства) в честь Договора об объединении ФРГ и ГДР в 1990 г., поскольку день 9 ноября для Германии связан с темными периодами ее истории (Пивной путч в 1923 г. и ноябрьские погромы 1938 г.).

С. Холл выделяет три стратегии конструирования и воспроизводства практик, постулирующих единение нации (государства). Во-первых, это воспроизводство нарративов о нации в национальных историях, литературе, медиа и современной массовой культуре, «обозначающие или представляющие разделяемый опыт и неудачи, а также провозглашающие триумф и поражения, которые обрели значение для нации» [Hall, 1992, p. 293]. Вторая стратегия связана с репрезентацией нации как исконной сущности (primordial entity), когда подчеркиваются ее происхождение, преемственность и традиции. Глубокие исторические корни создаются путем упоминания о «золотых временах», «мифе о происхождении» или моменте основания. К третьему типу С. Холл относит изобретенные традиции. Э. Хобсбаум определил их как «набор практик, обычно регулируемых, публично или по умолчанию разделяемых правил ритуальной или символической природы, целью которых является привить определенные ценности и нормы поведения путем повторения, которое подразумевает преемственность с прошлым» [The invention of tradition... 1983, p. 1].

Вне зависимости от стратегии, государственный праздник как традиция обладает способностью к воспроизводству. Актуализация идеологической составляющей праздника возможна благодаря устойчивости и направленным усилиям членов общности сохранить унаследованные от предыдущих поколений формы поведения, которые с течением времени способны изменяться и соответствовать ее запросам.

Государственный праздник и его невербальные элементы

Идеологические интенции символически закрепляются в коллективной памяти с помощью ряда механизмов. Наиболее часто государственные праздники связывают с ритуалом, обрядом, церемонией или зрелищем.

Ритуалом принято называть широкий спектр социальных и культурных практик. Однако при многообразии определений ритуала существует консенсус по поводу его свойств, к которым относятся: высокая степень стандартизации, стилизации, повторяемость, а также устойчивость во времени [Рольф, 2009, с. 20]. Ритуал – это символическое выражение общей идеи. Он имеет религиозные истоки, поэтому с ним связывают выражение «высших ценностей», которые находятся в ином, нежели пространство быта, измерении и обладают особым онтологическим статусом.

Роль ритуальных практик в поддержании общественной жизни основательно исследована антропологами [см., например: Тэрнер, 1983]. Ритуалы, как и церемонии, что убедительно продемонстрировал В. Глебкин, могут составлять существенную часть праздника [Глебкин, 1998, с. 19]. Однако праздник никогда полностью не сводится к ритуалу, оставляя место для развития, появления новых элементов, которые позволяют ему соответствовать времени. Ритуальные действия, как часть государственного праздника, необходимы для выражения чувства эмоциональной солидарности с социальной общностью и ее нормами.

Миф и ритуал, используемые совместно, способны «разыграть» видимость социальной безопасности и разумности, воплотить идеи в социальное действие – пусть и в течение ограниченного временными рамками праздничного дня.

Так, в Бразилии, где граждане являются потомками белых колонизаторов, индейцев и африканских рабов, государственные праздники проходят весьма красочно. В День независимости Бразилии (7 сентября 1817 г. государство получило независимость от Португалии), особо чтимый среди бразильцев, обычно проходит праздничный парад, на котором присутствует правительство во главе с президентом, что позволяет гражданам ощутить единение и глубокое чувство национальной гордости за свою страну.

Обряд, в отличие от ритуала, как отмечает В. Глебкин, обладает гораздо более древней историей. Иногда обряд подменяют понятием «обычай». Однако обычай – это «привычка, выработанная годами, стиль жизни» [Глебкин, 1998, с. 17–18]. В то же время, по словам М.В. Литвиновой, обрядовые действия, как правило, являются коллективными и публичными. И обряд, таким образом, представляет собой «условно-символическое действие, оформ-

ляющее и ознаменовывающее наиболее важные события общественной и личной жизни» [Литвинова, 2003, с. 32–33].

Также часто при описании государственных праздников используется категория «церемония». В отличие от обряда (строгая программа поведения) и ритуала (выражение высших ценностей) за церемонией стоит торжественное совершение какого-либо действия. Тем самым раскрывается ее светский, формальный характер [Литвинова, 2003, с. 39].

В целом ритуал, обряд и церемония указывают на динамическую составляющую праздника, отмечая разную степень ее значимости для общества.

Уникальным материалом для анализа являются советские праздники и ритуалы. Благодаря повсеместной ритуализации (регламентации), уходящей своими корнями в культуру русской интеллигенции и русского крестьянства, советские массовые праздники изначально получили поддержку среди народа. Так, например, известно, что элементы религиозного крестного хода, проходившего в дореволюционной России в специально установленные дни (Пасха, Крещение Господне и др.) и в честь особо почитаемых святых и икон, были заимствованы советскими демонстрациями. А обряд крестин – частично трансформирован в обряд посвящения в пионеры. Более того, советские праздники до сих пор оказывают влияние на праздничную культуру и символическую политику в современной России.

Заключение

Описанная выше конструкция позволяет зафиксировать логику символической формы государственных праздников. Как важный инструмент символической политики государства, они несут систему смыслов, призванную навязывать определенное видение мира. Идеологическая конструкция госпраздников имеет вербальное и невербальное воплощение. Центральное место в ней занимает идея праздника, от которой во многом зависит его воспроизводство. Идеология может быть вербально оформлена в виде нарратива или мифа, который, являясь результатом идеологической и символической борьбы, призван сформировать представление, заставить верить в идею праздника. Ритуал, обряд или цере-

мония за счет повторяемости позволяют механически закрепить систему смыслов в коллективной «культурной памяти».

Такая модель могла бы быть полезной при анализе современной политики, а также идеологического и символического содержания государственных праздников.

Литература

- Барт Р.* Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. – М.: Академический Проект, 2010. – 351 с.
- Бурдье П.* О символической власти // Бурдье П. Социология социального пространства / Пер. с фр.; Отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 87–96.
- Глебкин В.В.* Ритуал в советской культуре. – М.: «Янус-К», 1998. – С. 168.
- Дейк Т.А. ванн.* Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
- Зенкин С.* Критика нарративного разума // НЛЮ. – М., 2003. – № 59. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/zen.html> (Дата посещения: 23.04.2013.)
- Жигульский К.* Праздник и культура / Пер. с польск. – М.: Прогресс, 1985. – 336 с.
- Литвинова М.В.* Социокультурная динамика массовых праздников и зрелищ. – Белгород: ИПЦ «ПОЛИТЕРРА», 2003. – 156 с.
- Малинова О.Ю.* Концепт идеологии в современных политических исследованиях // Политическая наука: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки, Рос. ассоц. полит. науки; Ред. и сост. вып. Малинова О.Ю. – М., 2003. – № 4: Политическая идеология в современном мире. – С. 8–29.
- Методы анализа текста и дискурса / С. Тичер, М. Мейер, Р. Водак, Е. Виттер;* Пер. с англ. – Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2009. – 356 с.
- Мухарямов Н.М.* О символических началах в языке политики (прагматический аспект) // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки; Ред. кол.: О.Ю. Малинова – гл. ред. и др. – М., 2012. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – С. 54–74.
- Тэрнер В.* Символ и ритуал / Сост. и автор предисл. В.А. Бейлис. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. – 277 с.
- Поцелуев С.П.* Символическая политика: Конstellация понятий для подхода к проблеме // Полис. – М., 1999. – С. 62–75.
- Рольф М.* Советские массовые праздники / Пер. с нем. В.Т. Алтухова. – М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2009. – 439 с.
- Фуко М.* Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»: Университетская книга, 2004. – 416 с.
- Dijk T.A. van.* Ideology: A multidisciplinary approach. – L.: Sage, 1998. – 374 p.

Hall S. The questions of cultural identity // *Modernity and its futures* / S. Hall, D. Held, T. McGrew. – Oxford: Polity Press, Open univ. press, 1992. – P. 273–316.

Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // *Essays on the verbal and visual arts* / J. Helms (ed.). – Seattle: Univ. of Washington press, 1967. – Mode of access: <http://www.clarku.edu/~mbamberg/LabovWaletzky.htm> (Дата посещения: 24.06.2013.)

National day's: Constructing and mobilizing national identity / Ed. by D. McCrone, G. McPherson. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. – 288 p.

The invention of tradition / Ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1983. – 320 p.